

И.С. Кузнецов*

**УЧЕНЫЕ ОБ УЧЕНЫХ:
МИРЫ И МИФЫ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА**doi:10.31518/2618-9100-2022-6-21
УДК 94(47+57)*Выходные данные для цитирования:
Кузнецов И.С. Ученые об ученых: миры и мифы Новосибирского Академгородка // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 292–304. URL:
<http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-21.pdf>*

I.S. Kuznetsov*

**THE SCIENTISTS ABOUT THE SCIENTISTS:
WORLDS AND MYTHS OF NOVOSIBIRSK AKADEMGORODOK**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-21

*How to cite:
Kuznetsov I.S. The Scientists about the Scientists: Worlds and Myths of Novosibirsk Akademgorodok // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 292–304. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-21.pdf>]*

Abstract. The article analyzes the most notable new publications about the history of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk Scientific Center. Among them are a monograph by I.A. Kraineva, a book by E.V. Vishnevsky about M.A. Lavrentiev, memoirs by V.D. Ermikov and a collection about N.A. Pritvits. The author comes to the conclusion that the own history of Akademgorodok of Novosibirsk as an unique social and historical phenomenon is still clearly insufficiently researched. The author agrees with the high assessment of the Siberian city of Science, its unique intellectual and spiritual atmosphere. At the same time, the illegality of his idealization and apologetics is emphasized, since here, along with outstanding achievements, ambiguous, contradictory facts took place.

Keywords: Academy of Sciences of the USSR/RAS, power, M.A. Lavrentiev, science, Akademgorodok of Novosibirsk, Siberian Department of the Academy of Sciences of the USSR/RAS.

The article has been received by the editor on 28.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируются наиболее заметные новые публикации об истории Сибирского отделения Российской академии наук и Новосибирского научного центра. В их числе – монография И.А. Крайневой, книга Е.В. Вишневецкого о М.А. Лаврентьеве, мемуары В.Д. Ермикова и сборник о Н.А. Притвице. Автор приходит к выводу, что по-прежнему явно недостаточно исследована собственная история Новосибирского Академгородка как уникального социально-исторического феномена. Автор солидарен с высокой оценкой сибирского города науки, его уникальной интеллектуальной и духовной атмосферой. Вместе с тем подчеркивается неправомочность его идеализации, апологетики, поскольку здесь, наряду с выдающимися достижениями, имели место неоднозначные противоречивые явления.

Ключевые слова: Академия наук СССР/РАН, власть, М.А. Лаврентьев, наука, Новосибирский Академгородок, Сибирское отделение Академии наук СССР/РАН.

Статья поступила в редакцию 28.09.2022 г.

* **Иван Семенович Кузнецов**, доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: ivan-kuz@list.ru
Ivan Semenovich Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: ivan-kuz@list.ru

В настоящее время история СО АН СССР/РАН, Новосибирского Академгородка вызывает интерес не только историков, но и широкой общественности. Это в немалой степени обусловлено ролью этих научно-образовательных структур в развитии социально-культурной жизни региона и страны в целом. Обращение к данной теме особенно оправданно в год 65-летия СО АН СССР/РАН.

В свое время автор данной статьи предпринял анализ современной историографии Академгородка¹, однако с момента появления данной публикации прошло немало лет, что требует обращения к новым публикациям. Оценивая в целом историографическую ситуацию на сегодняшний день, можно сделать вывод, что она во многом осталась прежней: основное внимание привлекает история Сибирского отделения АН СССР/РАН. Наиболее фундаментальным и сейчас остается очерк истории научного центра, вышедший к его 50-летию².

По-прежнему явно недостаточно исследована собственная история Новосибирского Академгородка как уникального социально-исторического феномена, который включал, помимо собственно научных, социальные, градостроительные, экологические, общественно-политические, морально-психологические и другие параметры. Можно сказать, что до сегодняшнего дня единственным фундаментальным опытом такого подхода остается книга американского историка Пола Джозефсона³.

Обращаясь же к литературе последних лет, в качестве наиболее значительного, даже уникального события следует отметить мемуары М.С. Качана⁴ в 22 томах⁵. Детальный анализ этого обширного труда является самостоятельной задачей, которая не ставится в данной статье. Такое решение представляется оправданным с учетом того, что сжатый, но весьма глубокий анализ названного произведения дан в публикации Г.И. Ханина⁶.

В данной же работе внимание будет сосредоточено на публикациях монографического характера. Первой из числа рассматриваемых нами книг по времени выхода является монография И.А. Крайневой⁷. Автор – д-р ист. наук, сотрудник Института систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН. Она сыграла большую роль в реализации масштабного инновационного проекта – создания Открытого архива РАН (электронной системы накопления, представления и хранения научного наследия, рук. д-р физ.-мат. наук А.Г. Марчук).

В книге воссоздаются биографии и научная деятельность выдающихся ученых, судьба которых оказалась связанной с Сибирским отделением АН СССР: академика Андрея Петровича Ершова (1931–1988), члена-кор. Алексея Андреевича Ляпунова (1911–1973) и д-ра физ.-мат. наук Юрия Борисовича Румера (1901–1985). Как известно, их интеллектуальный потенциал проявился в различных направлениях научной сферы: в области собственно математики и ее приложений, кибернетике, теории и практике программирования, теоретической физике, биологии, генетике, лингвистике.

Круг архивных материалов, использованных в монографии, весьма широк. Это Архив Института прикладной механики им. В.М. Келдыша (ИПМ), Архив МГУ, Архив Российской академии наук (РАН), Архив ФСБ РФ, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Российский государственный военный архив (РГВА), Государственный архив Новосибирской области (ГАО), Научный архив СО РАН (НАСО) и др.

¹ Кузнецов И.С. Современная историография Новосибирского Академгородка // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 1. С. 130–140.

² Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007.

³ Josephson P. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton, 1997.

⁴ Качан Михаил Самуилович (1934–2018), д-р техн. наук, в 1960-е гг. видный общественный деятель – председатель Объединенного профсоюзного комитета СО АН.

⁵ Качан М.С. Потомку о моей жизни: в 22 т. Сакраменто, 2015–2018.

⁶ Ханин Г.И. Честный и талантливый рассказ о Новосибирском Академгородке, советском народе и советском обществе (воспоминания Михаила Качана) // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 4. Ч. 1. С. 217–239.

⁷ Крайнева И.А. Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН: Мастер. Проповедник. Лидер. Новосибирск, 2018.

Впечатляет не только массив использованных источников и совершенное владение автором современными информационными технологиями, но и использование новейших теоретико-методологических подходов. По многим параметрам перед нами новаторское исследование.

Отдавая должное проделанной работе, хотелось бы высказать некоторые соображения в интересах дальнейшей плодотворной деятельности. Иногда создается впечатление, что автор несколько абсолютизирует радикальность трансформаций в информационной среде современного гуманитарного познания, как бы абстрагируясь от реальной ситуации.

Бесспорно, применение информационных технологий открывает новые большие возможности перед гуманитариями, в том числе перед историками. Однако при этом, как представляется, перспективы прогресса в данной области не в меньшей, а быть может даже в большей степени определяются двумя факторами. Первый – это свободный доступ к архивным фондам, где сейчас существуют значительные трудности: многие важнейшие материалы до сих пор недоступны исследователям и при этом нарастает процесс «вторичного засекречивания» тех документов, которые в 1990-е гг. были открыты для историков.

Второй фактор – применение к используемым документам методики скрупулезного источникового анализа, что является элементарной нормой при изучении более отдаленных эпох. Именно этим, прежде всего, определяется прогресс в исторической науке, в том числе в изучении новейшей истории России. Данный императив в полной мере относится также к истории науки и техники. Между тем в этих вопросах порой наблюдаются рецидивы давно устаревших подходов. Например, нередко фигурирует система «глухих» сносок, когда указываются выходные данные архива, но не расшифровывается, какой конкретно документ используется. Тем более не ставится элементарный вопрос о достоверности используемой информации. Такая практика совершенно немыслима в работах по истории более отдаленных эпох.

В рассматриваемой работе деятельность трех выдающихся ученых анализируется во взаимосвязи с общим ходом исторических событий. В отличие от многих апологетических биографий, в данном случае вполне убедительно показано, что эти титаны науки отнюдь не находились в «башне из слоновой кости». Конечно, выявление отмеченной взаимосвязи в большей мере является прерогативой социальной истории науки, тем не менее некоторые моменты такого плана заслуживали бы здесь более основательной характеристики. Это касается, в частности, обстоятельств перехода Ю.Б. Румера из Института математики (ИМ) в Институт ядерной физики. В качестве причины такого события называются «антисемитские настроения в рядах математиков»⁸.

В принципе данное явление, отнюдь не украшавшее сибирский город науки, не является секретом. Однако, возможно, дело в данном случае не просто в соответствующих «настроениях математиков», а в позиции вполне определенных начальственных персон, с некоторого времени доминировавших и в ИМ, и в НГУ. В воспоминаниях ряда «пионеров» Академгородка, на разных этапах покинувших его, отмечаются проявления этого постыдного явления уже и в ранние годы существования наукограда. В ряду этих современников можно назвать таких ученых, как А.И. Бурштейн, М.С. Качан, Л.С. Трус, В.Э. Шляпентох. Особенно же заметная активизация антисемитских настроений отмечается с конца 1960-х гг., что правомерно рассматривать в контексте нарастания реакционных тенденций в жизни СССР в тот период.

Не исключено, что на судьбе ученых сказались, помимо обычных межличностных и кланово-корпоративных конфликтов, еще два взаимосвязанных императива. С одной стороны, это усиливающееся давление правящих кругов на Академгородок в целом как «гнездо крамолы» и конкретно на наиболее свободомыслящих, ярких представителей научного сообщества. С другой – это усиление консервативных настроений в определенных кругах самого нашего научного сообщества.

⁸ Крайнева И.А. Научное наследие советских ученых... С. 129.

Возможно, учет этих факторов позволяет более адекватно понять не очень веселый финал бурной деятельности А.А. Ляпунова. В самом деле: обладатель универсальных талантов, «отец советской кибернетики», одна из знаковых фигур «раннего» Академгородка. И чем все закончилось? Проект создания в Академгородке Института кибернетики не был реализован, а в 1970 г. А.А. Ляпунов вынужден был уйти из Института математики – его с группой соратников «приютил» М.А. Лаврентьев в Институте гидродинамики. И.А. Крайнева объясняет это двумя причинами: 1) негативным отношением «чистых алгебраистов» к разнообразным применениям математики (с легкой руки Ляпунова) – к биологии, лингвистике и т.д.; 2) обидой А.А. Ляпунова, что его не поставили заведующим отделением кибернетики ИМ⁹. Принимая во внимание масштабы личности Алексея Андреевича, эти мотивы не выглядят исчерпывающими. Трудно отделаться от подозрения, что его просто «выдавили» из ИМ как слишком крупную и самобытную фигуру.

Что касается раздела, посвященного А.П. Ершову, то он в наибольшей степени приближается к типу «когнитивной» истории науки. Мы узнаем очень много о свершениях Андрея Петровича в области информатики, в формировании новосибирской школы программирования. Однако общеисторический контекст его деятельности прослеживается в меньшей мере, между тем все это развивалось в определенной политико-идеологической обстановке. Большое внимание политико-идеологическому аспекту деятельности А.П. Ершова и в целом информатике в СССР уделено в книге П. Джозефсона – там этому посвящена целая глава¹⁰. Автор подчеркивает, что Ершов и его соратники подвергались постоянному пресингу, затруднялись их международные связи и т.д. Все это делалось, чтобы предотвратить «утечку секретной информации» и не допустить инфильтрации через эти контакты «враждебной идеологии». Судя по этим данным, немалая часть усилий ученого уходила на преодоление такого рода проблем, что, возможно, нанесло значительный урон его здоровью, приблизило столь раннюю кончину.

Помимо работ профессиональных историков, значительный интерес представляет также ряд публикаций публицистического и мемуарного характера. В этом ряду особенно выделяется книга Е.В. Вишневого¹¹. Данная работа, как ни странно, является первым монографическим исследованием биографии «отца-основателя» Академгородка. Для «аборигенов» Академгородка автор не нуждается в представлении – ученый, «активист-шестидесятник», писатель – все это в одном лице. Главное достоинство книги – она пронизана глубоким уважением и любовью к М.А. Лаврентьеву, что созвучно и нашим чувствам. При этом книга написана так, что будет интересна самым разным категориям читателей – и ветеранам, и молодежи.

Главным же минусом ценной книги Е.В. Вишневого является ограниченность ее информационной базы и некритическое отношение к источникам. Это вполне объяснимо, поскольку, будучи известным и талантливым писателем, он не является профессиональным историком. Возможно, этим объясняется то, что третья часть рассматриваемой книги (главы 17–19) в основном позаимствована из нашей публикации «Неизвестный Лаврентьев» (2010), иногда с указаниями на первоисточник, иногда без оных. Это тем более важно, что цитируемые там документы как раз из разряда «сокровищ» НАСО, которые теперь мало доступны другим исследователям.

С этой точки зрения очень странным является утверждение Е.В. Вишневого, что «самым полным, правдивым и надежным источником является довольно пространная автобиография, написанная самим М.А. Лаврентьевым в конце 70-х гг.»¹². Речь идет о тексте «Опыты жизни. 50 лет в науке», опубликованном сначала в журнале ЭКО в 1979–1980 гг., а затем в книге «Век Лаврентьева» (2000). При этом в заключительном разделе книги Е.В. Вишневыцкий верно отмечает, что последние годы жизни М.А. Лаврентьева проходили в

⁹ Крайнева И.А. Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН... С. 215.

¹⁰ Josephson P. New Atlantis revisited... P. 120–161.

¹¹ Вишневыцкий Е.В. Стратег сибирской науки. Михаил Алексеевич Лаврентьев. Новосибирск, 2019. 347 с.

¹² Там же. С. 13.

сложной обстановке – в сущности, в условиях травли¹³. Однако это никак не учитывается при оценке достоверности лаврентьевских мемуаров.

Очень хорошо, что в ряде случаев, когда Лаврентьев по понятным причинам умалчивал о важных аспектах рассматриваемых событий, Вишневский восполняет эти пробелы ценной дополнительной информацией. Характерен в этом смысле рассказ о «Лузитании» – московском математическом сообществе во главе с Н.Н. Лузиным. В мемуарах М.А. Лаврентьева вдохновенно повествуется об энтузиазме молодых математиков, их творческих дерзаниях. На самом деле финал «Лузитанин» был невеселым: в 1936 г. развернулась беспрецедентная кампания травли выдающегося математика. Естественно, в мемуарах М.А. Лаврентьева нет и не могло быть даже намека на эти события. Здесь надо отдать должное Е.В. Вишневскому, который подробно изложил эту тяжелую историю. В данном случае мы в очередной раз сталкиваемся со следующей ситуацией: автор явно не ограничивается «самым правдивым и надежным источником», однако происхождение своей дополнительной информации не называет. У читателя, незнакомого с «автобиографией», может сложиться превратное представление о границах дозволенного на рубеже 1970–1980-х гг.

Это касается и многих других моментов, когда автор явно дополняет «автобиографию», однако никаких указаний на источники мы не обнаруживаем, за исключением раздела третьего, где, как уже говорилось, неоднократно фигурируют ссылки на нашу работу. Конечно, это можно оправдать популярным характером рассматриваемой книги, однако читать ее будут в том числе ученые Академгородка. Так что хотя бы минимальный научно-справочный аппарат в книге не помешал бы, даже в виде списка литературы в конце текста.

Кстати, обращение к источникам позволило бы составить более ясную картину упомянутых печальных событий 1936 г. Е.В. Вишневский – и это его несомненная заслуга – обращает внимание на то, что травлю Н.Н. Лузина вели не столько представители власти, сколько сами участники «Лузитании». Он, правда, не называет конкретных лиц, но при этом отмечает: «Нападали на учителя не все его ученики. Молодые математики М.А. Лаврентьев и П.С. Новиков категорически отказались сотрудничать с комиссией по дискредитации Мастера»¹⁴. Это, несомненно, говорит о высоком моральном уровне Михаила Алексеевича, однако следует иметь в виду, что решающую роль в нападках на Лузина играла «артиллерия крупного калибра», в том числе отличился молодой член-кор. С.Л. Соболев, впоследствии академик и директор Института математики СО АН. Возможно, в отличие от многих, у него потом по этому поводу возникло какое-то чувство раскаяния, быть может, потому он относительно толерантно показал себя в 1968 г. в ситуации с «подписантами».

Если в ряде случаев автор дополняет автобиографию Лаврентьева ценными подробностями (хотя и без указания на источники информации), то порой неукоснительное следование за этим текстом приводит к заметным пробелам в биографии ученого. Наиболее серьезный из них – отсутствие информации об участии академика в самом крупном научно-техническом проекте XX в. – создании атомного оружия. Но об этом будут высказаны дополнительные соображения в связи с книгой, посвященной Н.А. Притвиц.

Некоторые ключевые положения рассматриваемого труда являются «ноу-хау» автора, не прослеживаются в других трудах по истории СО АН и, разумеется, не декларируются в «основном источнике» – мемуарах М.А. Лаврентьева. Речь идет прежде всего об утверждении, что создание Научного центра под Новосибирском было продиктовано в первую очередь интересами Военно-промышленного комплекса. В книге многократно декларируется, что именно военные сыграли главную роль в принятии судьбоносного решения о строительстве Академгородка, а работа его ученых велась в первую очередь для ВПК¹⁵. Евгений Венедиктович утверждает, что «Сибирское отделение Академии наук было создано в первую очередь для научной поддержки военно-промышленного комплекса (ВПК) страны, изна-

¹³ Вишневский Е.В. Стратег сибирской науки... С. 338–339.

¹⁴ Там же. С. 48.

¹⁵ Там же. С. 158–159.

чально едва ли не все его серьезные разработки связывались исключительно с нуждами Министерства обороны»¹⁶.

Это утверждение, как представляется, требует более конкретного обоснования. Конечно, в последнее время появился ряд публикаций, где отмечаются военные разработки ряда институтов СО АН. Однако это, собственно, была общая картина: вся советская наука была милитаризована, и весьма сложно судить, какова в этом плане была специфика ситуации в ННЦ. Возможно, автор располагает какими-то более конкретными данными по этому поводу, но они не фигурируют в книге, а без этого данное серьезное утверждение «повисает в воздухе».

Последующий ход развития Академгородка заставляет усомниться в исчерпывающем характере названной версии. Как известно, уже к концу первого десятилетия его истории явно проявились тенденции стагнации, что обусловило в том числе нарастание социальной напряженности («жилищный кризис»). Если бы Академгородок был исключительно «детищем ВПК», то вряд ли произошло бы столь быстрое ухудшение социальной обстановки.

Как уже отмечалось, воспринимая мемуары М.А. Лаврентьева в качестве «наиболее достоверного источника», автор порой некритически воспроизводит присутствующие там недостаточно убедительные положения. Так, воспроизводится широко распространенная версия о том, что строительство Академгородка тормозилось из-за «присвоения» направленных туда материалов новосибирским руководством. Вслед за именитым мемуаристом автор заявляет, что после жалобы Лаврентьева на действия первого секретаря Новосибирского обкома КПСС Б.Н. Кобелева в Академгородок была направлена высокая московская комиссия. Далее утверждается: «...В течение одной ночи на территорию стройки были завезены все материалы и машины, ранее присвоенные Совнархозом. Так что московская комиссия была вынуждена квалифицировать жалобу ученых Академгородка как клевету»¹⁷.

Сколько же материалов можно было перевезти «за одну ночь»? Логика подсказывает, «изъятия» не были столь значительными, чтобы серьезно тормозить стройку. Главная причина недостаточных темпов строительства наукограда, вероятно, заключалась в другом: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 мая 1957 г. о создании СО АН исходило из того, что возведение Академгородка будет осуществляться строителями Новосибирской ГЭС, которое, как указывалось в документе, к тому времени якобы уже «завершалось». Е.В. Вишневский правильно отмечает, что на самом деле в 1957 г. был пущен лишь первый агрегат этой ГЭС, а все девять – лишь в 1959 г. Однако констатация данного очевидного факта не побудила автора рассматриваемой книги более критически отнестись к соответствующим утверждениям в мемуарах М.А. Лаврентьева.

Далее автор вслед за именитым мемуаристом сообщает о передаче в 1959 г. строительства «Сибкадемстрою» (в системе «Минсредмаша») «во главе с опытным и энергичным строителем (а вскоре генерал-майором Николаем Маркеловичем Ивановым)». В связи с этим в рассматриваемой книге утверждается: «Уже через два-три месяца после этого дела на строительстве Новосибирского Академгородка коренным образом изменились <...> унылый убыточный “долгострой” времен треста “Новосибирскгэсстрой” ушел в прошлое»¹⁸.

По этому поводу следует напомнить, что с декабря 1957 по май 1959 г. строительством Академгородка занимался трест «Новосибирскгэсстрой-2», выделенный из «Новосибирскгэсстроя». Его руководителем был вначале В.П. Лобанов, а затем П.И. Масленников. Что касается «Сибкадемстроя», то его первым руководителем был Л.И. Губанов, а Н.М. Иванов возглавил эту организацию лишь в феврале 1960 г. Конечно, Н.М. Иванов внес огромный вклад в строительство Академгородка, но перелом в этом процессе произошел, конечно, не через «два-три месяца», а в конце 1960 и в 1961 г. Это было связано, в первую очередь, с тем, что к тому времени после окончания строительства Иркутской ГЭС на стройку Академгородка началась массовая поставка железобетонных конструкций.

¹⁶ Вишневский Е.В. Стратег сибирской науки... С. 275.

¹⁷ Там же. С. 196.

¹⁸ Там же. С. 201, 208.

Представляется, что давно назрела необходимость воздать должное первостроителям Академгородка, особенно П.И. Масленникову. Ведь о них забыли даже многие «старожилы» наукограда, что, конечно, несправедливо. Несмотря на огромные трудности, под руководством П.И. Масленникова было сделано многое: сформирован многочисленный коллектив строителей, построены для них дома в микрорайоне «Щ», возведено здание Института гидродинамики (ИГ) и первые жилые дома в «верхней зоне» – трехэтажки на ул. Терешковой. В связи с этим отметим, что на главном корпусе ИГ имеется мемориальная доска, которая сообщает, что он был введен в эксплуатацию в июне 1959 г. «Сибкадемстроем». Принимая во внимание, что данная структура была создана лишь в мае того же года, понятно, что заслуга возведения первого НИИ Академгородка принадлежит именно «Новосибирскгэстрою-2».

Досадно, что автор не критически воспроизводит еще ряд положений из «основного источника», например следующее: «Один из известных и успешных ученых (имени его не будем указывать из этических соображений), уехавший из Москвы в Сибирь, здесь, на новом месте, нашел себе юную подругу <...> а со старой московской женой развелся. Эта история каким-то образом стала широко известна и имела мощный резонанс: московские жены одна за другой потянулись за своими мужьями в Сибирь...»¹⁹.

Для понимающих ясно, что этот «юмористический эпизод» камуфлирует, пожалуй, одну из самых неприглядных страниц истории Академгородка. Ведь здесь имеется в виду Сергей Алексеевич Христианович – выдающийся разработчик аэрокосмической техники, награжденный шестью орденами Ленина. Как известно, в 1958–1961 гг. С.А. Христианович был первым заместителем председателя Президиума СО АН и непосредственно курировал строительство Академгородка. В марте 1961 г. Советский райком КПСС объявил С.А. Христиановичу строгий выговор с занесением в учетную карточку «за аморальное поведение и нарушение партийной этики, выразившееся в оставлении семьи». В соответствии с тогдашними «правилами игры» это послужило основанием для снятия его в мае того же года с поста первого заместителя председателя Президиума СО АН. До 1965 г. он продолжал оставаться директором созданного им ИТПМ, а затем вернулся в Москву, где уже не занимал видных должностей.

Нетрудно догадаться, что ситуация с «юной подругой» была лишь поводом для беспрецедентного прессинга в отношении выдающегося ученого. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что в условиях высокой концентрации власти, которая была в Академии наук и в ее Сибирском отделении, такой тяжелый исход конфликта двух научных лидеров, вероятно, был предreshен. Видимо, помимо прочего, сыграли свою роль и опасения М.А. Лаврентьева за свою власть, ведь в период борьбы против «вейсманистов-морганистов» Н.С. Хрущев угрожал сменить руководство СО АН. Понятно, что в таком случае единственной достойной кандидатурой преемника был С.А. Христианович.

Следует отметить, что конфликты такого рода не были единичным явлением в СО АН. Пожалуй, после «низвержения» С.А. Христиановича самым значительным инцидентом было «изгнание» из СО АН Е.Н. Мешалкина, а затем отъезд из Академгородка ряда других выдающихся ученых. Так, в 1971 г. в Москву вернулся корифей математической экономики Л.В. Канторович (в 1975 г. стал лауреатом Нобелевской премии). Позднее, в 1985 г., так же поступил один из «отцов-основателей» СО АН академик С.Л. Соболев. Сложно в полной мере судить, в какой мере возвращение в Москву этих гигантов науки стало следствием конфликтов в новом научном сообществе, однако какие-то противоречия этот процесс, видимо, отражал. Все эти моменты необходимо иметь в виду, разумеется, не в укор М.А. Лаврентьеву, а для объективности исторической картины. Неоднозначным было время, противоречива существовавшая в то время общественная система, а ведь наука действовала не в «вакууме». Да и саму фигуру великого создателя Академгородка не стоит рисовать розовыми красками. Михаил Алексеевич Лаврентьев – великий ученый и истинный патриот нашего Отечества – был человеком своей эпохи со всеми ее плюсами и минусами.

¹⁹ Вишневецкий Е.В. Стратег сибирской науки... С. 183.

Более основательного осмысления заслуживает также основное концептуальное положение рассматриваемой книги, вошедшее в ее название. Речь идет о М.А. Лаврентьеве как о «стратее сибирской науки». Как и многие другие авторы, Евгений Венедиктович рассматривает эту «стратегию» через призму знаменитого «треугольника Лаврентьева»: наука – образование – производство. Однако факты показывают, что это была скорее «декларация о намерениях», нежели реальность. В главе 15-й книги Вишневого прекрасно показано, что «внедрение научных разработок СО АН» осуществлялось с величайшим трудом, – это, разумеется, определялось всей системой сложившихся в СССР экономических отношений. Фактически не удалось реализовать идею Лаврентьева о «КБ двойного подчинения». Под давлением бюрократической машины была уничтожена самая успешная инновационная структура – НПО «Факел». Сильно пострадал и другой очаг инновационной активности – СКБ ГИТ. В дополнение к этому можно напомнить: были торпедированы два крупнейших в истории СО АН инновационных проекта – создание паро-газовых установок (С.А. Христианович) и формирование «второго ЦАГИ» (В.В. Струминский).

Возможно, более успешно реализовывались разработки оборонного характера, что было характерно для всей научно-технической сферы нашей страны, где ВПК был основным заказчиком и потребителем научно-технических новшеств. Однако, как уже отмечалось, этот аспект деятельности сибирских ученых в книге лишь декларируется. А что же с «внедрением» научно-технических инноваций в невоенные сегменты нашей экономики? Понятно, что если бы «треугольник Лаврентьева» был воплощен в реальность, то Академгородок при его огромном интеллектуальном потенциале превратился бы в «Кремниевую долину».

На проблему «стратегии» можно взглянуть и с другого ракурса. В ряде заявлений М.А. Лаврентьева прослеживаются попытки сформулировать эту «стратегию» в смысле некоей суперзадачи, интегрирующей усилия всех НИИ Академгородка. Так, вначале «отец-основатель» СО АН делал акцент на математизации всех наук, в том числе в свое время большой пиар получила работа молодых энтузиастов по созданию «искусственного интеллекта». Однако, как известно, эта работа шла очень непросто, а попытка внедрения математики и ЭВМ в гуманитарные исследования (пресловутая «расшифровка письменности майя») ознаменовалась настоящим скандалом.

Тогда же М.А. Лаврентьев заявил, что ученые Академгородка окажут всяческое содействие И.В. Курчатову в решении проблемы «управляемой термоядерной реакции». В то время это рассматривалось как главная научно-техническая задача, решение которой, собственно, и позволит создать «материально-техническую базу коммунизма». Сейчас хорошо известно, какова была судьба широкообещательных обещаний об «управляемом термояде». В последующие годы, кажется, такие масштабные интеграционные цели уже и не выдвигались, тем более что после устранения Н.С. Хрущева над СО АН все более довлел «императив выживания».

В целом же хотелось бы выразить надежду, что интересная книга Е.В. Вишневого «разбудит» историков, даст новый импульс для создания полноценной научной биографии М.А. Лаврентьева, основанной на широком круге источников.

Заметным событием в историографии Академгородка следует признать ряд публикаций, сочетающих качества мемуаров и публицистики. В 2019 г. наиболее значимым событием стало появление книги В.Д. Ермикова²⁰. Валерий Дмитриевич Ермиков – один из немногих здравствующих ныне первопроходцев Академгородка, который начал свой путь здесь как строитель. Это человек, известный не только в Новосибирске, но и во всем Сибирском отделении РАН. В свое время он, выпускник НГУ, канд. геол.-минер. наук, «пожертвовал» основной научной деятельностью в пользу научно-административной работы в Президиуме СО РАН. На протяжении длительного периода (с 1985 по 2008 г.) являлся главой Управления организации научных исследований. В последующие годы В.Д. Ермиков возглавил отдел инновационных программ и стал консультантом Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева.

²⁰ Ермиков В.Д. О временах высоких целей (записки рационального оптимиста). Новосибирск, 2019.

В данной статье не ставится задача детальной характеристики названного ценного издания, поскольку этому посвящена фундаментальная рецензия Н.А. Куперштох²¹. Отметим лишь один момент, который нуждается в уточнении. Речь идет об относительно частном, но на самом деле одном из самых ярких эпизодов и в биографии нашего героя, и в истории Академгородка – деятельности НПО «Факел». Валерий Дмитриевич был одним из руководителей этой уникальной структуры, поэтому его свидетельства представляют особую ценность. Тем более огорчительны некоторые неточности в трактовке этой эпопеи. Начнем с утверждения, что «объединение “Факел” появилось в Новосибирске в конце 1960-х гг.». Это утверждение не является достаточно точным. На самом деле Президиум СО АН принял решение о преобразовании Комсомольского конструкторского бюро (создано в июле 1966 г.) в НПО «Факел» 27 декабря 1966 г., что стало возможным в обстановке прогрессивных преобразований середины 1960-х гг. («косыгинская реформа»). В конце же данного десятилетия, по мере общего усиления консервативных тенденций в политике правящих кругов, все более активизируются нападки на «Факел», что в итоге привело к прекращению его деятельности в 1970 г. и окончательному закрытию в 1971 г.

Не совсем понятна позиция мемуариста по поводу такого неблагоприятного финала: «“Факел” явно родился преждевременно, но сама идея была настолько здравая, что всего через год после его закрытия ЦК комсомола начал создавать по всей стране центры научно-технического творчества молодежи. Через эту систему прошли все самые видные нынешние бизнесмены. Глядишь, и мы бы стали олигархами, останься “Факел” на плаву»²². Что значит «родился преждевременно»? Вполне очевидно, что СССР уже в то время нуждался в кардинальном обновлении хозяйственного механизма, однако этот процесс был заблокирован бюрократической системой. В результате экономическое реформирование запоздало по меньшей мере на два десятилетия, что во многом и предопределило дальнейшую судьбу страны.

Значительным событием в историографии Академгородка следует признать и книгу, посвященную Н.А. Притвиц²³. Она опубликована в серии «Наука Сибири в лицах», где ранее были воссозданы биографии целой плеяды выдающихся ученых. Книга великолепно издана – на прекрасной бумаге, с большим количеством интереснейших фотографий. Да и в целом из всех рассматриваемых книг данный том выглядит наиболее внушительно. Почему книга посвящена человеку, не занимавшему «командных высот» ни в научной, ни в административной иерархии? Наталья Алексеевна Притвиц (1931–2019) – канд. техн. наук, инженер-гидротехник, популяризатор науки, журналист, аналитик, сценарист, консультант группы прессы Президиума СО РАН. В Сибирском отделении АН она начала работать с 1959 г., потому публикуемый в книге текст носит необычное название «Дневник полуаборигена», – имеется в виду, что она прибыла позднее первых обитателей «Золотой долины». С 1970 г. занимала должность ученого секретаря Сибирского отделения АН СССР по связям с прессой, радио, телевидением, кино. Была куратором газеты «За науку в Сибири». Долгие годы сотрудничала с лидерами СО АН/РАН М.А. Лаврентьевым, В.А. Коптюгом, Г.И. Марчуком, Н.Л. Добрецовым.

Наталья Алексеевна являлась автором и редактором многочисленных художественных, научных и литературных трудов: «Академия наук СССР. Сибирское отделение. Персональный состав. Хроника 1957–1982 гг.» (1982), «Российская академия наук. Сибирское отделение. Стратегия лидеров» (2007), автор-составитель «Век Лаврентьева» (2000) и др. Тем самым она внесла неоценимый вклад в сохранение исторической картины рождения и формирования Новосибирского Академгородка. Можно сказать, что еще при жизни Наталья Алексеевна стала настоящей легендой Академгородка, неподражаемым хранителем его замечательных традиций.

²¹ Куперштох Н.А. Верность избранному пути. Рецензия на книгу В.Д. Ермикова «О временах высоких целей (записки рационального оптимиста)» // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 4. С. 227–232.

²² Ермиков В.Д. О временах высоких целей... С. 113.

²³ Наталья Алексеевна Притвиц: Хранитель знаний. Новосибирск, 2020. 20 с.

Неудивительно, что в создании книги в память о ней приняли участие В.Д. Ермиков, писательница и журналистка Замира Мирзовна Ибрагимова, коллеги Н.А. Притвиц по работе в Президиуме СО РАН. Ответственным редактором книги стал академик В.И. Молодин.

Поразительно разнообразие материалов, опубликованных в книге: это и фрагменты воспоминаний Н.А. Притвиц, и ее стихотворные произведения, письма и дневниковые записи. Трудно преувеличить значение опубликованных в сборнике статей Н.А. Притвиц, охватывающих целую эпоху от 1961 до 2016 г. Это настоящая хроника Сибирского отделения АН/РАН от его становления и почти до сегодняшнего дня. Первые годы – время созидания и огромных надежд, непростые проблемы развития научного центра, борьба СО АН против всякого рода необоснованных проектов (строительство БЦБК, поворот северных рек, сооружение Катунской ГЭС и др.). А в последние три десятилетия – неустанные усилия не допустить деградации российской науки, предотвратить пагубные последствия непродуманного реформирования РАН.

И все это пишет человек, досконально знающий истинное положение дел, находившийся в контакте с лидерами СО АН/РАН. Статьи очень аргументированные и в то же время отличаются эмоциональностью, предельно убедительные. Это действительно «голос Академгородка», сочетание научной убедительности и истинного патриотизма. В этом смысле книга, посвященная, казалось бы, лишь одному из первопроходцев сибирского города науки, предстает как ценнейшее издание по его истории в целом.

Подчеркивая все эти несомненные достоинства рассматриваемой книги, хотелось бы вместе с тем отметить некоторые огрехи. Они, быть может, не столь существенны с точки зрения «обычного» читателя, но не могут быть не замечены профессиональным историком. Некоторые вопросы вызывает структура этого издания. Оно начинается с мемуарного текста Н.А. Притвиц, хотя, казалось бы, было логичным начать книгу с введения или вводной статьи, где и рассказать о героине книги. В конечном итоге читатель из отдельных фрагментов может составить представление о личности и деятельности Натальи Алексеевны, но эта задача была бы существенно облегчена при наличии обычного вступительного текста.

В какой-то мере роль введения выполняет весьма обширная аннотация, – как это принято, на обороте титула. Обычно такая аннотация является все же достаточно лапидарной и не подменяет вводного текста. Отметим одну неудачную фразу в аннотации: там говорится, что Н.А. Притвиц – «первый историограф Академгородка». Заслуги Натальи Алексеевны в отображении истории нашего научного центра столь велики, что она не нуждается в этом «комплименте». И все же первым «историографом» нашего города науки был его создатель академик Лаврентьев, что нашло отражение в его мемуарах, многочисленных статьях, интервью и т.п.

С точки зрения «обычного историка» некоторые вопросы возникают и к одному из ценнейших разделов книги – «Дневнику полуабorigена». Из подстрочных примечаний следует, что этот текст ранее публиковался в 1962, 1965 и 1968 гг. Однако знакомство с этими публикациями показывает, что в содержании названных текстов имеются относительно небольшие, но существенные различия. В публикации «Дневника» 1962 г. мы видим восторженную реакцию по поводу приезда в Академгородок «дорогого Никиты Сергеевича». По вполне понятным причинам, в публикациях 1965 и 1968 гг. эти высказывания были удалены, а сейчас вновь восстановлены.

Естественно, у историка возникает вопрос: в какой мере рассматриваемая публикация соответствует исходному тексту, имеется ли соответствующая рукопись, быть может, в нее были внесены еще какие-то существенные коррективы? Все это элементарные археографические вопросы, которые в равной мере относятся и к исследованиям о тех или иных событиях, и к работам биографического характера.

Подчеркивая ценность публикации в рассматриваемой книге многочисленных статей Н.А. Притвиц, следует отметить одну проблемную ситуацию. Речь идет о статье «Мифы о М.А. Лаврентьеве», в свое время появившуюся в газете «Наука в Сибири» (2008. № 45). В данной книге она воспроизведена на с. 253–256. В ней Наталья Алексеевна совершенно

справедливо ратовала за объективное отображение деятельности великого ученого, против возможных искажений, которые она именует «мифами». Но приводимые там примеры не представляются в полной мере убедительными, во всяком случае, нуждаются в некоторых комментариях. К сожалению, составители сборника пошли по пути простого воспроизведения данной публикации. Между тем за эти годы появилось много новой информации и по истории СО АН/РАН, и по тем вопросам, которые когда-то дали основания говорить о «мифах».

Основная часть рассматриваемой статьи посвящена критике публикации И.С. Кузнецова в электронном издании *Academ.Info* от 10 мая 2007 г. Наталья Алексеевна обнаружила в ней «обличительный пафос» и безоговорочно отвергла два основных положения этого текста:

1) М.А. Лаврентьев принимал участие не только в создании «атомных артиллерийских снарядов» (это общеизвестно), но, возможно, и на предшествующих – решающих этапах «атомного проекта». Имеется версия, что для создания термоядерной бомбы, помимо основной команды И.В. Курчатова – Я.Б. Зельдовича, была создана «альтернативная группа» под руководством М.А. Лаврентьева и А.А. Ильюшина. Алексей Антонович Ильюшин – крупнейший специалист по проблемам прочности металлов, позднее член-кор. АН СССР. Согласно данной версии, «альтернативная группа» была призвана контролировать работу «команды Курчатова – Зельдовича», а при необходимости и заменить ее. 2) Это способствовало по меньшей мере не очень благожелательному отношению «атомщиков» (доминировавших в научном сообществе) к М.А. Лаврентьеву, что сказалось на его дальнейшей деятельности и, возможно, повлияло на решение переехать в Сибирь.

Следует сразу подчеркнуть, что эти суждения носят преимущественно характер гипотез: хотя за прошедшие годы целые массивы документов по «атомному проекту» рассекречены, многие ключевые документы по-прежнему историкам недоступны. Что касается версии об участии М.А. Лаврентьева уже на первом этапе «атомного проекта» – в создании атомной бомбы, то ее выдвинул М.И. Руденко, в свое время инженер-атомщик, затем журналист и писатель, автор многих публикаций на эту тему. В названной статье И.С. Кузнецова как раз подчеркивается, что данная гипотеза пока не имеет должного фактического подтверждения и может быть «принята к сведению» лишь как «информация к размышлению».

Относительно «альтернативной группы» с участием (или под руководством) М.А. Лаврентьева при создании термоядерного оружия, эту гипотезу впервые выдвинул академик А.Д. Сахаров²⁴. Судить о ее достоверности, естественно, весьма затруднительно: с одной стороны, казалось бы, свидетельства «отца советской водородной бомбы» не должны вызывать сомнений. Однако, с другой стороны, следует иметь в виду обстановку суперсекретности, в результате чего даже непосредственные участники этой работы имели минимальные представления об общей картине.

Что касается сложных отношений в научном сообществе и не очень благосклонном отношении «атомщиков» к М.А. Лаврентьеву, то по этому поводу опубликованы соответствующие документы. Они приводятся в публикациях С.С. Илизарова²⁵. Из них следует, что провести М.А. Лаврентьева на пост академика-секретаря отделения физико-математических наук АН СССР в 1955 г. удалось только в результате сильнейшего давления ЦК КПСС. Остается только гадать, было ли это реакцией «атомщиков» на предшествующую роль М.А. Лаврентьева в качестве «контролера» атомного проекта или сказалось отношение к нему как своего рода «ставленнику партбюрократии». Еще раз подчеркнем: ясность в этом вопросе может внести лишь дальнейшее рассекречивание документов Росатома, а также ФСБ.

К этому можно добавить еще одно соображение: сомнения по поводу участия М.А. Лаврентьева в атомном проекте невольно «принижают» будущего основателя СО АН. Вполне очевидно, что привлечение тех или иных ученых к этой грандиозной работе было наиболее очевидным маркером их подлинной научной величины. Так, из будущих сибирских

²⁴ Сахаров А.Д. Воспоминания. М., 1996. Т. 1.

²⁵ Илизаров С.С. Партаппарат против Тамма // Капица, Тамм и Семенов в очерках и письмах. М., 1998. С. 340–350.

коллег Лаврентьева участие в атомном проекте принимали Г.К. Боресков, Г.И. Будкер, А.А. Ковальский, Г.И. Марчук, А.В. Николаев, С.Л. Соколов, С.А. Христианович.

Подводя итоги, можно еще раз высказать пожелание, чтобы к подготовке изданий по истории СО АН и Академгородка привлекались профессиональные историки. Такое сотрудничество пошло бы только на пользу общему делу.

Литература

Вишневецкий Е.В. Стратег сибирской науки. Михаил Алексеевич Лаврентьев. Новосибирск, 2019. 347 с.

Ермиков В.Д. О временах высоких целей (записки рационального оптимиста). Новосибирск, 2019. 407 с.

Илизаров С.С. Партаппарат против Тамма // Капица, Тамм и Семенов в очерках и письмах. М., 1998. С. 340–350.

Качан М.С. Потомку о моей жизни: в 22 т. Сакраменто, 2015–2018.

Крайнева И.А. Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН: Мастер. Проповедник. Лидер. Новосибирск, 2018. 386 с.

Кузнецов И.С. Современная историография Новосибирского Академгородка // Вестник НГУ. Сер.: история, филология. 2014. Т. 13. Вып. 1: История. С. 130–140.

Куперштох Н.А. Верность избранному пути. Рецензия на книгу В.Д. Ермикова «О временах высоких целей (записки рационального оптимиста)» // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 4. С. 227–232.

Наталья Алексеевна Притвиц: Хранитель знаний / сост. В.Д. Ермиков; отв. ред. академик РАН В.И. Молодин. Новосибирск, 2020. 520 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

Сахаров А.Д. Воспоминания. М., 1996. Т. 1. 912 с.

Ханин Г.И. Честный и талантливый рассказ о Новосибирском Академгородке, советском народе и советском обществе (воспоминания Михаила Качана) // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 4. Ч. 1. С. 217–239.

References

Ermikov, V.D. (2019). *O vremenah vysokih tseley (zapiski ratsional'nogo optimista* [On the Times of High Goals (Notes of a Rational Optimist)]. Novosibirsk. 407 p.

Ermikov, V.D. (2020). *Natal'ya Alekseevna Pritvic: Hranitel' znaniy* [Natalya Alekseevna Pritvits: Keeper of Knowledge]. Novosibirsk. 520 p.

Iizarov, S.S. (1998). Partapparatus protiv Tamma [Party Apparatus against Tamm]. In *Kapitsa, Tamm and Semenov in essays and letters*. Moscow. Pp. 340–350.

Josephson, P. (1997). New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton. 351 p.

Kachan, M.S. (2015–2018). *Potomku o moey zhizni: v 22 t.* [Descendants about My Life: in 22 vol.]. Sacramento.

Khanin, G.I. (2019). *Chestnyy i talantlivyy rasskaz o Novosibirskom Akademgorodke, sovetском narode i sovetском obshchestve (vospominaniya Mihaila Kachana* [An Honest and Talented Story about the Novosibirsk Academgorodok, the Soviet People and Soviet Society (Mikhail Kachan's Memoirs)]. In *Ideas and Ideals*. Vol. 11, No. 4, part 1, pp. 217–239.

Kraineva, I.A. (2018). *Nauchnoe nasledie sovetских uchenykh v elektronnykh arhivah SO RAN: Master. Propovednik. Lider* [Scientific Heritage of Soviet Scientists in the Electronic Archives of the SB RAS: Master. Preacher. Leader]. Novosibirsk. 386 p.

Kupershtokh, N.A. (2020). Vernost' izbrannomu puti. Retseziya na knigu V.D. Ermikova "O vremenah vysokih tseley (zapiski ratsional'nogo optimista)" [Loyalty to the Chosen Path. Review of the Book by V.D. Ermikov "On the Times of High Goals (Notes of a Rational Optimist)"]. In *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2, No. 4, pp. 227–232.

Kuznetsov, I.S. (2014). Sovremennaya istoriografiya Novosibirskogo Akademgorodka [Modern Historiography of the Novosibirsk Academgorodok]. In *Bulletin of NSU. Series: History, philology*. Novosibirsk. Vol. 13, Is. 1: History, pp. 130–140.

Sakharov, A.D. (1996). *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow. Vol. 1. 912 p.

(2007). The Russian Academy of Sciences. Siberian branch: Historical essay. Novosibirsk, Nauka. 510 p.

Vishnevsky, E.V. (2019). *Strateg sibirskoy nauki. Mihail Alekseevich Lavrent'ev* [Strategist of Siberian Science. Mikhail Alekseevich Lavrentiev]. Novosibirsk. 347 p.